

Он знал, что серьезно болен. Когда люди на улице видели, как его мать несла его, завернутого в прохладное одеяло, они в ужасе разбегались, крича:

— Он болен! Почему не остался дома ждать смерти?! Зачем выходить и заражать других?!

Пожилая женщина, указывая на мать, с видом знатока сказала:

— Видите?! Эта монахиня прогневила Будду, и теперь кара пала на ее сына! Карма!

— Именно! Карма!

Эти люди забыли, что та самая монахиня когда-то помогала им.

Эта болезнь была заразной, и обычные люди избегали ее, как чумы.

На улице кто-то бросил в них тухлое яйцо, а другой вылил ведро с грязной водой.

Мать закрыла его своим телом, и ни одна капля не попала на маленького Тайлина.

Когда они подошли к двери дома лекаря Хуана, она оказалась закрыта. Эпидемия была слишком опасной, и многие лекари закрывали свои двери, чтобы спасти себя.

Мать, дрожащей рукой, взялась за дверное кольцо и постучала дважды.

Изнутри раздался грубый женский голос:

— Кто там?! Старик Хуан, походи посмотри! В такое время это, наверное, больной, прогони его!

— Да, да, жена, я посмотрю...

В щели двери показалась половина лица мужчины средних лет. Увидев мать, он резко побледнел, вышел и отвел ее в безлюдный переулок.

Это был лекарь Хуан — с большим лбом, лысеющими волосами и животом, как у беременной женщины на седьмом месяце.

Он сердито сказал матери:

— Мин Чжи! Зачем ты пришла сюда?!

Мин Чжи открыла одеяло, и показалось красное лицо мальчика, горевшее от жара.

— Господин Хуан, Тайлин заболел. Пожалуйста, дайте ему лекарство!

Лекарь Хуан, увидев это, отшатнулся.

— Ох, Мин Чжи! Ты с ума сошла! Отнеси его домой и молись о его жизни! Я не могу помочь с этой болезнью! Иначе я бы уже разбогател!

Мин Чжи схватила его за руку, смеясь сквозь слезы. В ее голосе была нотка кокетства.

— Хуан... Учитывая наши отношения, дайте ему хоть что-нибудь... Тайлину всего пять лет! Пожалуйста!

Лекарь Хуан, словно побитая собака, закричал:

— Какие отношения?! Не говори глупостей, Будда разгневается!

Мин Чжи, заплакав, выглядела особенно уязвимой. Обычно спокойная монахиня, она теперь казалась безумной, с широко раскрытыми глазами, полными слез.

— Хуан, ты же сам говорил, что это способ общения с Буддой! Почему теперь все изменилось?!

— Ох, боже мой! Ты действительно глупа!

Лекарь Хуан оттолкнул ее и повернулся, чтобы уйти.

Мин Чжи, выражение ее лица стало искаженным.

— Хуан Гань! Если ты не дашь лекарства Тайлину, я пойду к твоей жене! Мне уже нечего терять! Сын почти мертв!

Никто никогда не видел эту тихую монахиню такой безумной. Ее глаза, полные слез, напугали лекаря Хуана. Даже заяц кусается, когда загнан в угол.

Лекарь Хуан быстро схватил ее.

— Ладно, ладно! Не волнуйся, я поищу в аптеке, может, найду что-нибудь.

У него не было лекарства от чумы. Он тайком вернулся домой, набрал несколько оставшихся трав из шкафа и, получив нагоняй от жены, снова вышел.

Мин Чжи все это время ждала, ее глаза опухли от слез. Она взяла лекарство и, без прежней злости, глубоко поклонилась лекарю Хуану дважды.

— Возвращайся домой, не броди по улицам. Не умри от побоев, прежде чем болезнь заберет тебя. Ты воняешь! Монахини приносят несчастье, я уже чувствую, как на мне все это отразилось! Если бы не жалость к вам, я бы никогда не связался с вами!

Мин Чжи, с тонкой кожей, продолжала кланяться.

— Простите! Простите! Больше не побеспокоим!

— Надеюсь, так и будет!

Лекарь Хуан махнул рукой, его живот качнулся. Он думал, что эта несчастная пара больше не вернется.

Маленький Тайлин открыл глаза и увидел толстую фигуру, слыша рыдания матери.

Воспоминания, которые он старался забыть, нахлынули, как прилив. Он инстинктивно прижался к груди, и это объятие напомнило ему мать...

Ее рука коснулась его лица, холодная и шершавая. Затем он почувствовал тепло на губах, легкое, как прикосновение стрекозы, оставившее лишь тепло. Он хотел удержать его, но не мог, оставшись бороться в темноте.

— Ох! Хо-дарен, вы очнулись!

Хо Тайлин еще не открыл глаза, как услышал голос Цао Ми. Вокруг был шум — видимо, людей было много.

Он помнил, что был заперт в железной клетке с Фан Шу и Вэнь Сюаньцином.

Он резко сел, тяжело дыша. Хотя он пока не понимал, что произошло, казалось, ему удалось выжить.

Вокруг него собрались офицеры из Стражи в парчовых одеждах и Лагерь Шэньцзи. Обычно они не решались вести себя так свободно перед Хо Тайлином, но сейчас, в радости от победы в войне Жэньчэнь, и учитывая слабость Хо Тайлина, они стали более разговорчивыми.

— Хо-дарен очнулся!

— Мы выиграли эту войну!

— Можем возвращаться в столицу!

— Сейчас там, наверное, очень холодно!

— Не страшно, дома ждут жена и дети!

— Моя сестра скоро выходит замуж, успею ли я?

— Вам повезло... А вот Чэнь-дарен...

— Его тело не нашли... Только голову...

— Эти проклятые вокоу, хочется их всех перебить!

— Да, особенно тех главарей, которые сбежали!

От радости к гневу они перешли в мгновение ока. Война была такой же — смесь потерь и побед...

Флот Хо Тайлина, размещенный у моря, не смог перекрыть путь бегству Кониси Юкинага. Японские захватчики, доведенные до отчаяния, буквально проложили ему путь своими телами.

— Фэн Чжи... Эти парни уже наговорились? Если да, пусть убираются!

Голос Хо Тайлина был негромким, но полным авторитета. Шум мгновенно прекратился.

Они опомнились, выстроились в ряд, отдали честь и вышли.

Даже больной Хо Тайлин оставался грозным.

Спина Хо Тайлина ныла от боли. Цао Ми, видя его бледность, сказал:

— Дарен, ложитесь на бок, так будет легче.

— Где мы?

— В лагере западной армии. Пришлось оставить вас здесь, это место отдыха Фан-дарена.

Неудивительно, что здесь так пахнет сандалом.

— А... а Фан Шу и Вэнь Сюаньцин?

Он чуть не назвал Фан Шу наложницей, но сдержался, почувствовав боль в спине.

Цао Ми, зная непредсказуемость Хо Тайлина, сохранял серьезное выражение лица.

— Когда нашли Вэнь-дарена, он уже почти двое суток не пил воды... Его пытали, в живот вбили десятки гвоздей. Придется ждать, пока он окрепнет, чтобы их вытащить. Но... слава небесам, он хотя бы жив, хотя сейчас все еще без сознания. Вэнь-дарен много выстрадал...

Он долго рассказывал о Вэнь Сюаньцине, упомянув, как тот в бреду звал «учителя» и «старшего брата». Хо Тайлин, слушая, становился все более нетерпеливым, так как Цао Ми никак не отвечал на его второй вопрос.

Наконец, не выдержав, он перебил:

— А Фан Шу?

Цао Ми опомнился.

— Ах, да. Он с Лю Большим Мечом отправился уничтожать остатки вокоу.

И это все? Хо Тайлин смотрел на Цао Ми, чувствуя неловкость, и вдруг не смог продолжить расспросы.

Цао Ми, подумав, добавил:

— Он с утра был рядом с вами, но после обеда Лю позвал его. Вернется, вероятно, через пару дней.

Он замолчал, не зная, стоит ли продолжать, но все же сказал:

— Когда вас нашли, вы, в полубессознательном состоянии, не отпускали Фан-дарена. Он сам нес вас обратно, не позволяя никому помочь. Я даже начал сомневаться, что он проиграл тот поединок с Чэнь Лайцюном...

Упоминание Чэнь Лайцюна вызвало грусть у Цао Ми.

Хо Тайлин начал говорить:

— Ты можешь...

Но его прервала вошедшая с лекарством Ким Намхи, женщина в корейском наряде. Увидев ее, Хо Тайлин почувствовал неприязнь.

<http://bllate.org/book/15514/1378178>